

УДК 321(091); 34(091)

В.А. Воропанов

Челябинский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ», Россия, г. Челябинск
e-mail: vvoropanov@yandex.ru

Судебно-правовая политика Екатерины II в Западном Казахстане: цели, содержание, результаты

Судебно-правовая политика Российской империи на территории Западного Казахстана в конце XVIII в. была направлена на юридическое подчинение степного населения, систематическое улаживание пограничных конфликтов и установление правовых связей между казахским и российским населением. В статье раскрываются цели, принципы, способы и итоги реализации судебно-правовой политики Екатерины II. Работа выполнена на основе комплексного анализа источников.

Ключевые слова: история суда, Российская империя, Малый казахский жуз.

V.A. Voropanov

Judicial and legal policy of Ekaterina II in the Western Kazakhstan: purposes, contents, results

The judicial law policy of the Russian Empire in the territory of the Western Kazakhstan at the end of the XVIII century was directed on legal submission of the steppe population, systematic settling border conflicts and establishment of legal communications between the Kazakh and Russian population. In this article are investigated purposes, principles, ways and results of realization of judicial law policy of Ekaterina II. The work is performed on the basis of the complex analysis of sources.

Key words: court history, the Russian empire, Junior Kazakh juz.

В.А. Воропанов

Қазақстанның батысында II Екаторинаның жүргізген соттық-құқықтық саясаты: мақсаты, мазмұны, нәтижелері

Мақала XVIII ғ. аяғындағы Қазақстанның батыс аймағында Ресей империясының жүргізген соттық-құқықтық саясаты қазақ және орыс халықтарының арасындағы құқықтық байланыстың орнауы мен шекаралық қатығыстардың бітімгерлігіне бағытталған. Мақалада II Екаторинаның соттық-құқықтық саясатының мақсаттары, қағидалары, әдістері мен жүзеге асырылу нәтижелері жазылады.

Түйін сөздер: сот тарихы, Ресей империясы, Кіші жуз.

Изучение правовой политики российской верховной власти в Казахстане, форм, методов и способов имперского управления его кочевым населением сложилось в богатую традицию советской и современной исторической науки. Актуальность современного исследования проблемы определяется важностью переосмысления опыта Российской империи в условиях строительства нового в России государства и складывания полноценных отношений между российским и казахстанским народами, объединённых не только историей, но и стратегическими приори-

ритетами внешней политики. Данная статья посвящена вопросам разработки и реализации судебно-правовой политики Екатерины II на территории Малого казахского жуза. Исследование основано на сочетании опубликованных юридических источников, содержащихся в первом Полном собрании законов Российской империи, и архивных материалов, извлеченных из фондов Государственного архива Оренбургской области, Объединенного государственного архива Челябинской области, а также Российского государственного архива древних актов.

С 1710-х гг. геополитическое развитие России сопровождалось стремлением верховной власти укрепить юго-восточные рубежи империи, развить экономические связи с азиатскими странами и, как следствие, установить подданство казахского народа. Законодательная активность Екатерины II обозначила новый этап юридического подчинения населения Младшего казахского жуза. Оценив ситуацию на границе, монарх потребовал от местной администрации прекратить рост претензий в воровстве и организацию военных экспедиций в степи. Гуманные принципы разрешения конфликтов Екатерина II объявила приоритетными (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 223. Л. 1). Общее руководство пограничными делами на Южном Урале в январе 1782 г. было вверено обер-коменданту Оренбурга с соответствующим штатом служащих, включая переводчика и толмачей [1].

В начале 1780-х гг. общественные противоречия в Малом жузе обострились. Лидерство в среде знати захватил энергичный «старшина» рода Байбакты Срым Датулы. Нур-Али хан сообщил администрации об «измене» брата – султана Айчувака, участвовавшего в необъявленной войне с уральскими казахами [2, с. 111-127]. Указом от 2 мая 1784 г. Екатерина II повелела наставлять Нур-Али хана «на лучшее наблюдение в народе и усмирение воровства и разбоев», поощряя деньгами и удовлетворением просьб. Для развития отношений пограничного населения следовало избрать город для постоянного пребывания депутатов из султанов и старшин. Напомнив о действиях линейных начальников, провоцировавших набеги в уезды из мщения, монарх подтвердил строгость военной дисциплины и охраны правопорядка, обещая «подвергать под суд и жесточайшее наказание всякого, кто станет поступать вопреки сему, яко злейшаго преступника, который поведением своим дает причину к нарушению спокойствия подданных».

Главной идеей в системе мер, предложенных наместником А.И. Апухтиным, стало открытие Пограничного суда. Согласно представлению уфимской администрации, у казахов исключительным способом заставить обидчика искать суда являлась баранта, однако приговору третейского суда ответчик часто не повиновался, вызывая эскалацию конфликта. Сильный род оставлял истцов без удовлетворения. Политический строй казахов являл «образ безпорядочного

правления начальных над ними», руководители, утверждал генерал-губернатор, «никакого правосудия в подчиненном им народе не сохраняют, но все их правление основано на мздоимстве и корыстолюбии». Работа Пограничного суда, надеялся А.И. Апухтин, могла сократить масштабы «воровства» и разорения, казахи же «при том к подначальству и правосудию нечувственно привыкать могут и очевидно узнают премудрое учреждение к доставлению справедливости и спокойнаго пребывания» [3, с. 9-11]. По указу от 2 мая 1784 г. должности судей замещались двумя офицерами, в коллегию заседателей полагалось включить двух представителей местного купечества, двух – от окрестных сельских общин, семь – из числа казахских султанов и старшин. Указ предусматривал возможность открытия дополнительного суда в одной из оренбургских крепостей, а также для жителей Среднего жуза – на территории Колыванской губернии, чтобы охватить имперским правосудием большее пространство укрепленных линий. Правительство Екатерины II рассчитывало прекратить неконтролируемые конфликты и самосуд соседей, вовлекая казахов в правовые отношения с «россиянами» на основе российских законов (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1633. Л. 5–9 об.; Ф. 54. Оп. 1. Д. 14. Л. 63).

В линейных поселениях продолжалось строительство мечетей. Через увеличение роли ислама в общественной жизни казахов верховная власть надеялась влиять на религиозно-нравственную культуру народа, поставленного в зависимость от российских мусульманских центров. В условиях превращения официально православной России одновременно в великую мусульманскую державу [4] культурно-религиозное влияние могло способствовать ускорению процессов объединения казахов с народами империи [5].

Генерал-поручик О.А. Игельстром, возглавивший Уфимское наместничество в 1784 г., подверг непримиримой критике стиль пограничной политики, устоявшийся среди местной администрации со времён губернатора И.И. Неплюева. Наместник с возмущением сообщил императрице о равнодушии к кочевому населению, состоявшему в формальном подданстве России. Бездеятельность коменданта поощряла произвол военных начальников на линии. О.А. Игельстром видел свой долг в последователь-

ном проявлении *«кротости, твердости и справедливости»*, добиваясь доверия и признания у казахов, оставаясь готовым поддерживать страх наказания за преступления. Генерал-губернатор признался в невозможности скорого прекращения баранты, имевшей прочные культурные корни [6, с. 111, 119]. В июле 1785 г. наместник разослал по степи *«открытые листы»* с прощением преступлений, пригрозив суровостью законов за новые набеги и хищения. Родовая знать направила в Оренбург депутатов. Инициативу генерал-майора Я.М. Зенбулатова, принимавшего жалобы казахов, генерал-губернатор узаконил. *«... Чрез оное умножается почтение и доверенность от соседних народов тому господину обер-коменданту»*, – ответил начальник края на запрос губернского правления [7].

Представители казахской аристократии стремились к сотрудничеству с имперскими властями. Так, в июле 1784 г. посредством Ер-Али султана были предупреждены дистанционные командиры и администрация пограничных уездов о группе до 300 человек, намеревавшейся пересечь линию для захвата скота и людей. Тогда же начальство Уфимского наместничества было информировано руководством Сибирской линии о предостережениях, сделанных султанами Среднего жуза в связи с массовым падежом скота в степи (ОГАЧО. Ф. И-117. Оп. 1. Д. 4. Л. 120–124, 159–159 об.).

О.А. Игельстром документально подтвердил статусное положение новых родовых старшин, приняв выражения политической лояльности от знати. В октябре представители 21 рода гарантировали восстановление в степи порядка, потребовав удаления от ханства Нур-Али и потомков Абулхаира, обвинённых в насильственном обращении с казахами и вероломном отношении к коронной администрации. Хан, по свидетельству старшин, участвовал в дележе угнанного скота и захваченных людей, выдавая российским властям своих недругов. В качестве достойного преемника часть биев, тарханов, батыров и старшин настойчиво выдвигала султана Каипа, бывшего хивинского хана. Хан не оставался в долгу, ведя свою переписку с наместником [6, с. 54–62, 65–68].

Императрица положительно оценила меры, принятые О.А. Игельстромом, настоятельно советуя наместнику не обольщаться первыми успехами в решении поставленных задач. В кочевья по приглашению знати были направлены муллы,

удерживавшие население в верности присяге, объявленной единственным источником монаршей милости и благоволения. Захваченные в степи пленные возвращались старшинам. Привлечение казахов к иррегулярной службе на линии за жалование сопровождалось разъяснениями о взаимных выгодах и возможности выслужить особые поощрения, исключавшие, таким образом, слухи об имперском «притеснении». Генерал-губернатору предписывалось не вмешиваться в конфликты между казахами, каракалпаками, хивинцами и другими народами, чтобы не осложнять пограничную ситуацию. В случае стремления соперничающих с казахами народов в подданство генерал-губернатор был обязан организовать выборы этнических депутатов с целью объективного урегулирования международных отношений подобно пограничному правосудию. Правовое разрешение конфликтов при покровительстве имперской администрации должно было содействовать неуклонному росту международного авторитета России [8].

В указе от 3 июня 1786 г. императрица выразила «удовольствие», полагая, что *«усердием, радением и искусством»* О.А. Игельстрема цели пограничной политики в Оренбуржье – утверждение мира и безопасности – стали достижимы. Нур-Али укрылся от преследования соперников в Оренбурге. Выборам нового хана О.А. Игельстром противодействовал. Монарх признал полезным сохранять общественный порядок усилиями избранных старшин. Таким образом, наместник обеспечил устойчивое взаимодействие губернской администрации со знатью, вступив в урегулирование внутривосемьплеменных отношений, образуя единые контролируемые центры в степи с одновременным усилением влияния России. Естественно сложившаяся децентрализация рассматривалась самодержавием как этап юридического подчинения казахов. Начальник края обязался пресекать необоснованные претензии уездных обывателей, наносившие ущерб добрососедству и покою в прилинейных районах. Для крупных родоплеменных объединений планировалось строительство мечетей, школ и гостиных дворов. Именной указ содержал статьи о возможном основании в степи городов, укрепленных рвами и валами на случай *«воровских покушений»* со стороны кочевых групп, неконтролируемых казахскими властями, признанными в империи. Действовать предписы-

валось с применением исключительно дипломатических средств, учитывая противоречия казахского сообщества, разъясняя цели мероприятий. Императрица признала полезным создание в «Малой Орде» расправ, уподобленных уездным органам. Деятельность переводимых на службу традиционных судей могла способствовать как последовательному внедрению в степи элементов российской государственности, так и совершенствованию внутриведомственных связей и правоотношений [9]. Правительство империи стремилось к складыванию устойчивых предпосылок для политического и социально-экономического единства казахского народа с Россией.

В августе 1786 г. О.А. Игельстром оказал решительное давление на сыновей Нур-Али, неожиданно захвативших старшину Срыма Датова, сотрудничавшего с администрацией [6, с. 72-74]. Первый этап переговоров подошел к логическому завершению. 3 октября в Оренбурге состоялось открытие Пограничного суда [10]. Новый орган возглавил обер-комендант Я.М. Зенбулатов. Вакансии судей заменили русские офицеры, купеческих представителей – житель Сеитовской слободы и «бухарец», сельских заседателей – башкирский и мещеряцкий походные старшины, казахских депутатов – 6 представителей от объединений («поколений») Алим-улы, Бай-улы и Жетыру [3, с. 12; 6, с. 487]. Генерал-губернатор лично принял аксакалов, уполномоченных «*доверенностию и единым одобрением*» родов. О.А. Игельстром уверял императрицу в том, что казахи не допустили бы к оплачиваемым должностям малоавторитетных лиц [6, с. 117]. Всем судьям полагалось жалованье: купеческим и сельским равное заседателям судов второй инстанции, казахским – по определению наместника из средств, выделенных правительством (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1633. Л. 1–8) [11]. Особый орган находился в прямом подчинении и под надзором начальника края. Приговоры и решения с выписками из дел и законов просматривались наместником (ГАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 40. Л. 7–63).

Получив сведения об открытии Пограничного суда, Екатерина II повторила пожелание отклонять кандидатуры в ханы, полагая целесообразным умножать число правителей в Малой Орде, способствуя прочности их власти над народом [6, с. 76-77]. Закономерным действием имперской администрации стала организация выбо-

ров главных и родовых старшин, число которых достигло 42, а также членов степных расправ для трёх объединений Орды. 20 октября 1787 г. казахских судей и родоначальников утвердили в званиях при Пограничном суде. Каждое лицо, избранное в должность, присягало быть «*верным, добрым и послушным подданным*», не совершать преступлений против жителей губерний, «*всегда находиться в мире, тишине и спокойствии*» и препятствовать умыслам «*против интересов Ея И. В. и собственной киргискаго народа общей пользы*». Владетели целовали Коран, прилагали к «клятвенному обещанию» печати, получали тексты именных указов и служебные инструкции (ГАОО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 22. Л. 2–5, 16–17, 21–37, 40–42) [6, с. 83]. К работе расправ позволялось привлечь мулл, приняв меры для их защиты от враждебной группы султанов. В соответствии с условиями деятельности расправы были наделены судебными и административно-полицейскими полномочиями. Расправе обязались содействовать все подчинённые роды и их начальники. Квазигосударственные органы обеспечивали охрану «*благочиния, добронравия и порядка*», следили за тем, чтобы казахи не совершали нападений на линейные поселения для захвата людей, отгона скота и других преступлений, не укрывали похищенное имущество и пленных. Суд осуществлялся по уголовным и гражданским делам. При необходимости судьям следовало заседать ежедневно, кроме праздничных и воскресных дней. Ближайший надзор за производством дел был поручен главным старшинам, отказавшимся войти в состав расправ и пожелавшим сохранить привилегированное положение в жузе. Расправы находились под апелляцией и в подчинении Оренбургского пограничного суда, получая предписания и разъяснения по судебной практике и исполняя решения губернских судей. Члены расправ обязались тесно сотрудничать как с судами, так и с уездной полицией наместничества.

Таким образом, судебному разбору дел на основе обычного права российская администрация придала форму этнословных судебных установлений, получивших поддержку имперских правоохранительных органов. Взаимодействие губернских и степных органов власти должно было обеспечить общественный порядок, обезопасить торговые пути, выгодные российскому и казахскому населению. «...*Установлением*

между народом киргиским сих главных и родовых старшин и учреждением расправ, введение чего Орда без всякаго принуждения, но добровольно и с общаго согласия приняла... надеяться можно, что со временем чрез помощь... старшин сей своевольной народ преобразится в народ послушный и прекратятся все его шалости...», – донёс монарху О.А. Игельстром в ноябре 1787 г. На «удовольствование» главных и родовых старшин и содержание трёх расправ полагалось 3700 руб. и 132 четверти хлеба. Члены расправ совместно получали по 440 руб. и 9 четвертей хлеба. Неординарные казённые выплаты должностным лицам объяснялись стремлением администрации установить социально-политическую стабильность. Поощряя казахов к службе, «принятию и сохранению» нововведений, наместник распорядился о выдаче жалованья за год [6, с. 97-101; 12, с. 269] (ГАОО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 22. Л. 50, 59–60, 117). Общая сумма внештатных расходов, профинансированных администрацией О.А. Игельстрёма в 1784–1792 гг. и 1796–1798 гг. составила 31 871 руб. 68 коп. [13, с. 26]. Вследствие инициативы родовой знати число расправ в 1789–1794 гг. было увеличено [14]. Члены «Семиродской» расправы поставили вопрос о создании помещения для проведения заседаний («зделании для присудствия расправе покоя»). Экспедиция пограничных дел предложила подготовить смету расходов («для отправления следственных дел к зделанию кибитки сочинить смету», «для заседания Семиродской расправы присудствующим и судопроизводства к построению судебного дома зделать смету»), наместник – оплатить строительство специальных кибиток для каждой расправы. 4 апреля 1788 г. Экспедиция известила казахов о необходимости вывезти новое имущество степного суда из Оренбурга (ГАОО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 22. Л. 193, 196–198, 209–210).

Расправы противоречили традиционной правовой культуре и представляли слабую конкуренцию суду, издревле осуществлявшемуся ханом, султанами и биями [15, 16]. Вступая в тяжбы, казахи предпочитали свободный выбор судей среди лиц, носивших почётное звание биев, известных в степи благодаря знаниям судебных обычаев и ораторским способностям. Суд биев производился словесно, публично, предусматривал защиту и учитывал общественное мнение. Бий вознаграждался за труд штрафом с проигравшей стороны и

не нес ответственности за исполнение своих решений. За фигурантами сохранялось право обжалования. Дела о тяжких преступлениях, а также споры нескольких родовых групп разбирались советом биев [17]. Тем не менее О.А. Игельстром опровергал мнение оппонентов о бесполезности казённых расходов в пользу казахской знати, гуманных начал в деятельности Пограничного суда, о необходимости применения суровых мер наказания преступников и безусловного взыскания имущества с должников, поскольку без «понуждения тот только слушается старшин и расправ, кто сам желает». «Последование сему мнению совершенно противно высочайшей воле... и не может иметь иных последствий, как вредоносных», – аргументировал наместник. «Орда, не быв до ныне уподоблена внутренним частям государства Вашего, – доносил генерал-губернатор в мае 1789 г., – требует некотораго терпения в приведении народа ея в равное с прочими подданными Вашего Величества состояние». Значение формально существующих расправ раскрывается со временем, полагал О.А. Игельстром [6, с. 104-108, 117-118, 125]. Следует отметить, что в 1790 г. расправной начальник рода Алим-улы Сигизбай Имрат удержал казахов Чиклинского рода семью Сигизовых от распродажи товаров и людей каравана астраханского купца А. Давыдова, захваченного близ Гурьева [18].

Отказав инициативе родоначальников о снабжении расправ вооружёнными людьми из традиционных слуг знати – тюленгутов, видя в них «нож», официально врученный в руки первенствующих старшин, генерал-губернатор поощрял просьбы о запашке земли, постройке близ границы мечетей и школ. О.А. Игельстром направлял в степи исламских духовных лиц, следил за доставкой в Оренбург печатных экземпляров Корана [6, с. 124], продажу которых казахам обеспечивала Экспедиция пограничных дел (ГАОО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 33. Л. 217), открыл при мечетях, выстроенных в Оренбурге и Троицке, школы (ГАОрО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5. Л. 154; л. 1–94; д. 24. Л. 1–107) [13, с. 261, 272]. Одновременно осуществлялось компромиссное решение земельного вопроса. Зимой 1786–1787 гг. начались санкционированные переходы казахов на правый берег Урала [19, с. 21-24; 20, с. 40-48].

В связи с притоком кочевников к границе на зимний период в Калмыкову крепость команди-

ровались члены и работники Пограничного суда – судья и 3 казахских представителя, переводчик и рядовой делопроизводитель. К составу «отдельного присутствия» присоединялись 2 старшины Уральского казачьего войска. Коллегия снабжалась «наставлением», «формами» документов – «реестров» и «журналов», денежными средствами. «Наставление» предусматривало извещение населения о создании и целях деятельности нового органа (*«дать знать по форпостам на обе стороны в одну до Уральского в другую же до Гурьева городка, а со временем и в улусы прикочевавших к Уралу реке киргискайсак с таким предложением чтоб каждой о учреждении вашем тамо ведал и ежели кто имеет будет от кого либо обиду кражу грабеж захват скота и имения тоб оные с свидетельством уральские казаки от своих командиров а киргискайсак от старшин их к вам в Колмыкову крепость приезжали, и в том свою жалобу со всякою верностию без малейшаго приклепу приносили»*). Крупные иски следовало рассматривать в письменном виде, отсылая копии постановленных решений и выписки из дел («экстракты») в Оренбург, остальные – словесно (*«буде дела случатся малые которые без дальняго затруднения изследовать будет можно то оные принимать и на словах по точной справедливости ненароку и не посягая некоторой стороне разбирать к концу решить которые однако ж напоследок со всеми обстоятельствами записывать в журнал»*).

Должностные лица обязались контролировать пограничную ситуацию (иметь *«разведывание и бдение»*) в целях обеспечения общественной стабильности и безопасности (*«чтоб тамо чрез взаимное обеих сторон согласие тишина и покой господствовали и из виду не выходили»*). Степным расправам надлежало соблюдать субординацию в отношении отделения Пограничного суда, принимать из крепости *«предложения»*, слать *«репорты»* и *«донесении»*. Начальник края предупредил, чтобы заседатели проводили следственные действия по требованию населения (*«заседатели от народов розыскивали самолично вину произшествия в том месте где оно впоследствии»*) (ГАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–4 об.). В 1788 г. работа отделения Пограничного суда началась с рассмотрения исковых требований и предложений старшины Срыма Датова (ГАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 8. Л. 9–22 об., 44–55 об.,

83–85). За 13 рабочих дней в декабре коллегия начала производство 9 дел (ГАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 8. Л. 6, 71–79 об., 82–82 об.).

Лишённые власти султаны семьи Абулхаира, возглавляемые Ер-Али, не признали нововведений в жузе. Позиция аристократии беспокоила генерал-губернатора. Возвращение оттеснённой группы владетелей к исполнительной власти связывалось с ростом доверенности в отношении с коронной администрацией. О.А. Игельстром сохранял вакантные места в Пограничном суде и представительстве особых депутатов [6, с. 86–96, 101]. Убедившись в слабом согласии родоначальников, не обеспечивших к концу 1780-х гг. желаемого порядка в степи, наместник обратился за советами к султанам.

Отъезд О.А. Игельстрома ускорил нарушение неустойчивого мира на степных рубежах. Борьба враждующих родов и групп с вовлечением уральского войскового начальства, провокации, столкновения и грабежи на линиях не прекращались [6, с. 148–151]. Пограничное начальство пресекало незаконное движение в степь вооружённых отрядов, выявляла участников набегов (ГАОО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–486; д. 8. Л. 1–434; д. 13. Л. 1–209; д. 15. Л. 1–409; д. 26. Л. 1–297; ф. 54. Оп. 1. Д. 50. Л. 1; ОГАЧО. Ф. И-117. Оп. 1. Д. 17. Л. 124–124 об.). Суды общей юрисдикции («башкиро-мещерякские» нижние расправы) устранялись от рассмотрения специальных дел (ГАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 40. Л. 35 об.). Подвергнуть виновных наказанию, не нарушив представлений народа о справедливости, оказывалось трудной задачей. В январе 1791 г. 13 башкир, задержанных за самовольный проезд в степь и угон лошадей, выпустили из тюремного острога, формально – из-за нехватки средств на продовольствие, фактически – с учётом проведения акции из мести. Пограничные органы последовательно разбирались в хитросплетениях конфликтов. Стороны скрывали сведения о числе отогнанных лошадей. Тогда же, в январе 1791 г., Экспедиция пограничных дел, реагируя на рапорты полиции об угоне табунов в сотни голов, настаивала на собрании точных сведений. Имперская администрация проводила размены или раздачу животных в компенсацию пострадавшим семьям (ОГАЧО. Ф. И-117. Оп. 1. Д. 14. Л. 57–57 об., 67, 146–147). Обоюдные угоны с преувеличением ущерба продолжались (ОГАЧО. Ф. И-117. Оп. 1. Д. 11. Л. 31; Д. 14. Л.

376–376 об.). На казачьих линиях сохранялся институт «аманатов» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3601. Л. 7 об.). Из степи регулярно выходили лица, захваченные казаками во время набегов на уезды (ГАОО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–459; д. 6. Л. 1–174; д. 19. Л. 1–591; д. 27. Л. 1–738; ф. 222. Оп. 1. Д. 32. Л. 1–103) [13, с. 265].

Раз в три года состав Пограничного суда обновлялся. Наместник поддерживал продление службы наиболее способных и добросовестных лиц. 2 октября 1795 г. О.А. Игельстром вновь утвердил в должностях мещанского заседателя оренбургского купца П. Лаврентьева, сельских заседателей мещерякского сотника из Стерлитамакской округи Р.У. Муртазина и башкира Оренбургской округи А. Мусина, казахских представителей султана «Капи», старшин К. Кулунбаева, С. Кадырова и Я. Сердалиева, оставив при исполнении обязанностей судей секунд-майоров Е. Сипягина и Е. Быкова, старшин А. Мамырова, Д. Худайбергана и Б. Айтуганова (ГАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 40. Л. 53–54 об.). В связи с неявкой к должности в продолжение 5-ти месяцев Я. Сердалиева наместник распорядился известить племя Джетыру о выборе нового кандидата, напомнив суду о важности поддержать его внешнее достоинство («снабдении приличною одеждою»).

Для отдельных членов суда этнокультурная близость с избирателями оказывалась важнее служебного долга, однако принципы общественного представительства и государственного надзора эффективно препятствовали злоупотреблению правом. В ответ на рапорт о том, что заседатель А. Мусин держал у себя на квартире «с 1-го по 4-е ноября не представляя в суд» соплеменников, присланных капитаном-исправником Верхнеуральской округи, и взял с подозреваемых 50 рублей, «обещая по делу иметь старание», О.А. Игельстром освободил его от должности и предложил передать дело в уголовную палату «с подробным всего онаго обстоятельства описанием» (ГАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 41. Л. 23, 29, 70).

В сентябре 1798 г. совместными усилиями пограничные органы провели собрание представителей башкир Верхнеуральского, Троицкого, Челябинского уездов и казахов Среднего жуза («разных родов») с целью прекратить общественный конфликт. 10 депутатов («избранный от народа башкирского и киргизского поверен-

ная», «выбранный и уполномоченный довериями старшины») подписали документ, подготовленный российской администрацией и объявивший иски о возмещении ущерба в размере 20 и 26 тысяч голов скота недействительными, «чтоб сии претензии как наводящие народу их взаимными барантами, великое и невозвратное разорение, а нередко и людям гибель, не остались вечными, и чрез то нация их между собою не имела некончаемой вражды и всегдашняго мщениа, а потому и правительствам не было б навлекаемо затруднения и беспокойств, силою данных им от общества доверии, при посредстве члена Пограничной экспедиции господина статского советника и кавалера Чучалова поговоря между собою любововно, и желая изъясненныя для их народа неудобства вовсе прекратить, согласились обоесторонняя иски всей вышеизъясненной претензии, навечныя времена предать забвению состава сим средством между собою и твердый мир и доброе согласие».

В октябре 1798 г. О.А. Игельстром оставил в должностях заседателей Пограничного суда А. Мамырова, «который сверх приобретеннаго им в течении шести летняго в оном суде заседания сведения в делах и правах законных, и так же усердия к должности, употреблялся еще с пользою и в киргискайсакскую меньшую орду с разными поручениями», и П. Лаврентьева как «имеющаго достаточные знания и с ревностию и прилежанием исполняющаго обязанности заседателя». Наместник распорядился «дать знать куда следует, чтоб в место оных других к заседанию уже не избирать» (ГАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 48. Л. 32, 57–59 об., 61).

Таким образом, законодательная активность Екатерины II обозначила новый этап юридического подчинения населения Младшего казахского жуза Российской империи. Невозможность территориального освоения степных пространств, строительства в этнической среде укрепленных пунктов с размещением органов государственной власти компенсировалась увеличением внешнего военно-административного надзора над институтами кочевого самоуправления. Путь к достижению безопасности виделся законодателю в неуклонном росте культурного влияния империи и стабильном усилении государственно-правового регулирования общественных отношений в крае. Осуществлению правосудия законодатель определил ключе-

вое место в государственной деятельности. В качестве органа специальной юрисдикции в Оренбурге был учреждён Пограничный суд, охвативший властью реальных и номинальных подданных по обе стороны границы Уфимского наместничества с Казахской степью («линии»), а также торговых иностранцев, в условиях падения престижа ханского суда. Максимальная правовая защита в суде гарантировалась широким судебным представительством. Государев наместник контролировал кадровые изменения в составе суда, продлевая полномочия наиболее способных и добросовестных лиц, как судей, так и заседателей. Принципы судебного представительства и государственного надзора позволяли эффективно пресекать попытки отдельных членов суда злоупотребить правом в узкогрупповых интересах. С образованием пограничного органа юрисдикция общих судов была ограничена. Законодатель предусмотрел посредничество государственных органов в разрешении международных конфликтов, случившихся в сфере русского влияния.

Успехи нейтрализации общественных конфликтов, углубления экономических связей и установления правоотношений между оседлыми и кочевыми обывателями связывались с развитием в крае государственных структур. Внесение изменений в традиционное управление Малого жуза имело целью ограничение привилегий и политического влияния элиты – хана, султанов, старшин, биев. Русская монархия предприняла попытку перевести часть кочевых лидеров в служебный статус с ответственностью за исполнение санкционированных полномочий. В степи появились официальные суды (квазигосударственные органы), применявшие обычное право. Этнических должностных лиц адаптировали к интересам империи, приводя к присяге с соблюдением политических церемониалов, вручая служебные инструкции, вознаграждая неординарными материальными выплатами. Российская администрация обеспечила «распра-

вы» (по инициативе степных судей) специальными кибитками в качестве служебных помещений, поддерживала внешнее достоинство казахов, обличённых официальными полномочиями.

Допуск казахов на правый берег реки Урал в зимний период сопровождался созданием временного (сроком на 6 месяцев) отделения Пограничного суда в Калмыковой крепости с прикомандированием старшин Уральского казачьего войска. «Наставление» отделению Пограничного суда предусматривало применение устной формы судопроизводства в целях срочного урегулирования споров и конфликтов кочевого и казачьего населения, а также обязательное участие судебных представителей («заседателей от народов») по требованию истцов в следственных действиях.

Крайняя сложность дел, связанных с отгоном скота, побуждала российскую администрацию осуществлять посреднические функции для урегулирования межэтнических отношений и снижения уровня преступности в пограничной зоне. Одним из важных итогов её усилий стало подписание 23 сентября 1798 г. представителями башкир приграничных уездов Уфимского наместничества и казахов Среднего жуза при участии члена Пограничной экспедиции соглашения об отказе от прежних исковых требований.

Борьба родоначальников за расширение личного влияния и сохранение патриархально-феодалного уклада продолжалась с опорой на имперскую администрацию или в оппозиции к ней, дестабилизируя общественно-политическую обстановку в степи. Деятельность руководящего социального слоя упрочивала полицентризм, межродовое соперничество и обычай барымты, вовлекая казахов в вооружённые столкновения. В сложных политических условиях казахские школы не выполнили образовательных задач [21, с. 24-30]. Расправы не принесли ожидаемого эффекта и практически не действовали. Пограничный суд не получил должного признания среди кочевников [13, с. 17].

Литература

1 ПСЗ РИ. Собр. I.Т. XXI. № 15324.

2 Нусупбеков А.Н. Народно-освободительное движение в Младшем жузе (1783–1797 гг.) // История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. – Т. 3. – Алма-Ата: изд-во «Наука» КазССР, 1979. – 514 с.

3 Добромислов А.И. Суд у Киргизов Тургайской области в XVIII и XIX веках. Казань: тип. Казанского университета, 1904. – 106 с.

- 4 ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XIX. № 13996.
- 5 ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXII. № 15991, 16534.
- 6 Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.). – Т. 4. – М.–Л.: изд-во АН СССР, 1940. – 545 с.
- 7 ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXII. № 16368.
- 8 ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXII. № 16292.
- 9 ПСЗ РИ. Собр. I. № 16400, 16952.
- 10 ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXII. № 16482.
- 11 ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXII. № 16403.
- 12 Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. – СПб., 1832. Репринтное издание / под общ. ред. М.К. Козыбаева. – Алматы: изд-во «Санат», 1996. – 656 с.
- 13 Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. – Т. 10. – СПб.: тип. Э. Веймара, 1865. – 414 с.
- 14 ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXII. № 16592; – Т. XXIII. № 16749, 16952, 17270.
- 15 Зиманов С.З. Казахский суд биев – уникальная судебная система. – Алматы: изд-во «Атамұра», 2008. – 224 с.
- 16 Почекаев Р.Ю. Эволюция казахского суда биев: институциональный аспект // Древний мир права казахов. Материалы, документы и исследования. – Т. 10. – Алматы: изд-во «Жеты Жарғы», 2009. – С. 260-263.
- 17 Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе // Собр. соч. в 5-ти т. – Т. 4. – Алма-Ата: изд-во Главной редакции Казахской советской энциклопедии, 1985. – С. 77–104.
- 18 Вяткин М. Журнал оренбургского муфтия // Исторический архив. – Т. 2. – Отв. ред. Б.Д. Греков. – М.–Л., 1939. – С. 117-220.
- 19 Отепова Г.Е. Анализ законодательной базы царского правительства в аграрном вопросе по истории Казахстана XVIII – начала XX века // Зерттеуші – Исследователь. – 2008. – № 9–10 (29–30). – С. 21–28.
- 20 Сабырханов А.С. Земельная политика царского правительства в Младшем жузе во второй половине XVIII века // Известия АН КазССР. – Сер. обществ. науки. – 1968. – № 2. – С. 40-48.
- 21 Вертоусова Е.Г. К вопросу о просвещении казахов в XVIII в. // Казахи Южного Урала: история и современность. – Оренбург, 1996. – С. 24-30.

References

- 1 CCL RI. Coll. I. T. XXI. Number 15324.
- 2 AN Nusupbekov People's Liberation Movement in the Junior zhuz (1783-1797 gg.) // History of the Kazakh Soviet Socialist Republic from ancient times to the present day. – Т. 3. – Alma-Ata: Publishing House "Science" of the Kazakh SSR, 1979. – 514.
- 3 Dobromyslov AI The court in Kirgizov Turgay region in the XVIII and XIX centuries. Kazan type. Kazan University, 1904. – 106.
- 4 CCL RI. Coll. I. T. XIX. Number 13996.
- 5 CCL RI. Coll. I. T. XXII. Number 15991, 16534.
- 6 Materials on the history of the Kazakh Soviet Socialist Republic (1785-1828 gg.). – Т. 4. – Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1940. – 545.
- 7 CCL RI. Coll. I. T. XXII. Number 16368.
- 8 CCL RI. Coll. I. T. XXII. Number 16292.
- 9 CCL RI. Coll. I. Number 16400, 16952.
- 10 CCL RI. Coll. I. T. XXII. Number 16482.
- 11 CCL RI. Coll. I. T. XXII. Number 16403.
- 12 Levshin AI Description Kirghiz Cossacks, or Kirghiz Kaisak, hordes and steppes. St. Petersburg. 1832. Reprint: under Society. Ed. M.K. Kozybayev. – Almaty publishing house "Sanat", 1996. – 656 p.
- 13 Meyer L. Kirghiz steppes of Orenburg agency // Materials for Geography and Statistics Russia collected by officers of the General Staff. – Т. 10. – St. Petersburg. Typ. A. Weimar, 1865. – 414.
- 14 CCL RI. Coll. I. T. XXII. Number 16592. – Т. XXIII. Number 16749, 16952, 17270.
- 15 Zimanov SZ Kazakh court biys - a unique judicial system. – Almaty: Publishing house "Atamura", 2008. – 224.
- 16 Pochekaev RY The evolution of the Kazakh biy court: the institutional aspect // The ancient world of law Kazakhs. Materials, documents and research. – Т. 10. – Almaty publishing house "Zhety Zhargy", 2009. – С. 260-263.
- 17 Valikhanov Cc Note on Judicial Reform // Coll. Op. 5 tons. – Volume 4. –Alma-Ata: Publishing House Chief Editorial Board of the Kazakh Soviet Encyclopedia, 1985. – С. 77-104.
- 18 Vyatkin M. Journal of the Orenburg mufti // Historical Archives. – Т. 2. – Ed. Ed. BD Greeks. –Moscow-Leningrad, 1939. – С. 117-220.
- 19 GE Oteпова Analysis of the legal framework of the tsarist government in the agrarian question in the history of Kazakhstan XVIII - beginning of XX century // Zertteushi - Researcher. – 2008. – № 9-10 (29-30). – С. 21-28.
- 20 Sabyrhanov AS The land policy of the tsarist government in the Junior zhuz the second half of the XVIII century // Proceedings of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. – Ser. Societies. science. – 1968. – № 2. – С. 40-48.
- 21 Vertousova EG On the education of the Kazakhs in the XVIII century // The Kazakhs of the Southern Urals : Past and Present. – Orenburg, 1996. – Pp. 24-30.